

12.08.97

Вос. Москва 1997. № 11. с. 3

Андрей Ростоцкий:

СЛОМАННЫЙ ПАЛЕЦ И ПРОБИТЫЙ ЧЕРЕП

Актера и режиссера Андрея Ростоцкого я бы рискнула назвать российским Мелом Гибсоном (по имиджу, конечно, и по схожести кинематографической судьбы).

И тот и другой имеют за плечами несчетное количество боевиков и органично переходят от ролей суперменов к историческим персонажам. И героям, созданным ими, свойственны душевная чистота и порядочность.

Но Ростоцкого в последнее время что-то не видно на экране. Чем же он сейчас занимается?

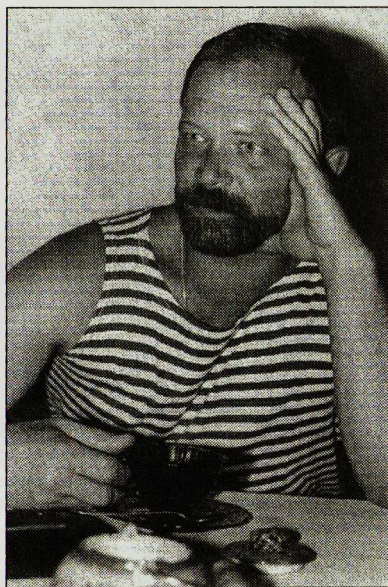
Сейчас практически ничего не происходит. Правда, была у меня работа в Казахстане — «Тот, кто нежнее». В этой картине я снимался 2 года, потому что съемки то и дело останавливались. И 2 года ходил бритый наголо, с азиатской бородой, выкрашенной в черный цвет. И вот тогда меня почему-то стали приглашать сниматься. Но мне этот облик надоел, эксплуатировать я его не собирался, поэтому эти предложения не принял. Еще две картины, где я был занят, остановились, опять-таки по причине безденежья. Так что — тишина...

— А самому снимать сейчас не реально?

— Почему? Реально. Мы несколько лет пробивали картину с рабочим названием «Тму-торокань». Это — историко-приключенческая мелодрама, как мы ее называли. Для кино это очень дорого, и практически невозможно снять. А вот телесериал из этого сценария получился. Кирилл НТВ вроде бы заинтересован в такой теме. Сценарий им понравился, и мы подписали договор о намерениях. Сейчас мы на стадии поиска материально-технической базы. Но вроде бы эта проблема решается, и мы надеемся, что зимой приступим к работе.

— Насколько я знаю, вы в самых «накрученных» ролях работаете, как правило, без дублера. У вас были экстремальные ситуации на съемках? В частности, вы много работали с лошадьми...

— Без дублеров — это не совсем так. Естественно, когда ты — главный герой фильма, то твой травматизм связан с возможностью продолжения дальнейших съемок. Поэтому говорить о том, что у меня в фильмах на 100 процентов не было дублеров, я не могу. Могу только на 98. А что касается лошадей... У многих актеров с ними сложные отношения — это совершенно закономерно. Представьте: 300—400 кг мышц и маленькая головка. Что в ней варится, что она делает в следующий момент — абсолютно никому не известно. И когда мне в первый раз приводят лошадь, я ее боюсь. Я сажусь на нее, оажу шагом, разговариваю с ней, пока, наконец, пойму, что она из себя представляет. Но когда нужно научить ездить другого человека, я ему, конечно, всего этого не говорю. Я говорю: «Да ладно, чего ты? Лошадь поводит, правый шенкель, и — поехал! Что она тебе сделала? Ты же умный! Ты же человек!...». На самом деле у меня были очень хорошие лошади. Лошадь, которые спасали мне

жизнь. Лошади, которые были мне просто как... родные люди! Всякое случилось. Я не могу пожаловаться на плохое партнерство с их стороны. Но первое знакомство — это всегда очень сложный процесс. Плюс ко всему, как только она почувствует, что ты чего-то не понимаешь, она гут же сделает так, что ты окажешься на земле, или откусит тебе руку, или наступит на ногу... Все это легенды, что лошадь не наступает на человека. Наступает, еще как! Мало того — еще долго целится! На фильме «Эскадрон гусар летучих» меня увозили с площадки.

— Сбросила?

— Нет, не сбросила. Я с ней должен был сам упасть. Я и упал. А она в воздухе меня поймала копытом... Всяко

бывало! Но это был сумасшедший Орлик, которого привезли, чтобы на нем делать трюки. А был там и другой конь — Бенто. Когда я с него свалился и волочился за ним, не мог подняться — нога осталась в стремях, я ему крикнул: «Стоять!». И он остановился. Лошадь к тому времени уже управлялась голосом. Вот сейчас, на картине «Тот, кто нежнее», у меня был конь Ковбой. Мы настолько с ним свыклись, что проблем оставить его где-то на съемочной площадке не было. Его не нужно было привязывать, он ходил за мной, как собака. И мы пользовались в кадре тем, что он ходит за мной без поводка, где нужно — останавливается, когда нужно — подходит. Но я уже говорил: картина очень долго снималась. И мне пришлось уехать на три месяца. Потом я вернулся. И режиссер говорит: «Ты подойди к Ковбою. Он тебя помнит?». Я отвечаю: «Помнит. Я уже пробовал». Он опять: «И что — помнит и за тобой ходит?». Я говорю: «Ну да. Вот — смотри! Ковбой! Иди сюда!». Ковбой посмотрел... Подошел... И хорошо так — с размахом — встал мне на ногу так, что сломал палец. Режиссер опешил: «Это он чего?!». Я говорю: «Чего?! Тога!.. Нельзя же его бросать-то на три месяца! Теперь похромает...». Поэтому я и говорю: что она делает в следующий момент... Вот уж, как жаль — живем душа в душу, любим друг друга. Но она же не соображает, что она весит в восемь раз больше, чем ты. Ей кажется — она тебя приласкала, а на самом деле — проломил череп. С лошадью нельзя расслабляться!

Светлана КУЗНА
Фото Елены ЛЯПИНОЙ

Романчук Андрей